

Число зверя. Этничность как человеческая форма животного состояния

Сергей Эрлих
историк, издатель, публицист

Битва. Триумфальная арка Константина. III век н.э. Рим

Похищение Европы

Разгром нацистской Германии надолго снял этническую тему с европейской повестки дня. Несколько послевоенных десятилетий она оставалась уделом маргиналов.

Идеи этнократии были реанимированы при развале «лагеря социализма». На территории СССР с их помощью были развязаны локальные вооруженные конфликты. В Югославии случилась полномасштабная война, умиротворенная натовскими бомбардировками

Сербии.

В конце 80-х – начале 90-х можно было думать, что этническое обострение – побочный результат крушения неэффективной коммунистической модели. Тогда в ходу были рассуждения, что, дескать, будь в СССР европейский уровень жизни, никаких межнациональных конфликтов не было бы. Вот сейчас перейдем к рынку и демократии и заживем единым человеческим общежитием.

Жизнь опровергла вульгарно экономические рассуждения перестроечных антимарксистов. Благополучные европейцы также попали под дурное этнократическое влияние восточноевропейских «лимитрофов».

Первый шок случился в 1999-м, когда на парламентских выборах в Австрии второе место заняла основанная в 1955 году бывшими нацистами Партия свободы, возглавляемая «потомственным нацистом» Йоргом Хайдером. В 2002-м лидер ксенофобского Национального фронта Франции Жан-Мари Ле Пен вышел во второй тур президентских выборов. В нынешнем составе Европейского парламента самая многочисленная фракция (270 голосов из 754, или 35,8 процента) принадлежит Европейской народной партии, ориентированной на этнические ценности.

Этническое перевозбуждение западных европейцев выливается в сепаратистские движения. Одним из результатов сепаратизма стал – консультативный пока – референдум об отделении Венеции, обитатели которой вспомнили, что у них была своя средневековая республика, от Италии (16–21 марта 2014 года). А вот жители Шотландии и Каталонии в ближайшее время (соответственно 18 сентября и 9 ноября 2014 года) будут уже не консультировать центральную власть, а изъявлять суверенную волю о независимости от Соединенного и Испанского королевств. Причем каталонский парламент объявил референдум в одностороннем порядке, не считаясь с мнением «центра».

Утверждения, что «их» сторонники этнократии, в отличие от «наших», цивилизованны и не допустят насилия, порождены религиозной верой в западное «Беловодье» людей с душой и талантом, задавленных духовной атмосферой родины. Они не учитывают уроки европейской истории, согласно которым при благоприятной для этнократов внутренней и международной конъюнктуре рассуждения о «понаехавших тут» не раз переходили в действия, не имеющие ничего общего с представлениями о цивилизованном поведении.

Россия долго оставалась в стороне от этнократических тенденций. Но с недавних пор и она присоединилась к братству народов, озабоченных идеями крови и почвы. В ходе геополитической

схватки за Украину во внешнеполитической риторике «интернациональный долг» впервые с 1917 года сменился долгом этническим. Очевидно, что лозунги защиты всего полиэтничного населения братской Украины от бесчинств радикальных националистов гораздо эффективнее обеспечили бы выполнение внешнеполитической задачи. Появление «этнических» призывов нельзя объяснить нетворческой реактивностью кремлевских пропагандистов, дающих симметричный ответ победителям Майдана. Мы наблюдаем, как внешнеполитическими средствами решаются внутрироссийские задачи укрепления «морально-политического единства». Всенародное одобрение спецоперации по защите русских «соотечественников», удостоверенное подписями худруков высокохудожественных театров, свидетельствует, что цель единения власти и народа достигнута.

Подключаясь к европейскому тренду, российское правительство перестает быть единственным европейцем в стране. Европа также перестает быть тем, чем она являлась для образованного российского сословия со времен даже не Пушкина, а его прадеда-арапа. Похищение Европы, которую мы потеряли, осуществляется соединенными усилиями западных и восточных европейцев.

Мечта о безграничной Европе от Лиссабона до Владивостока в очередной раз рухнет на наших глазах. Нынешняя разруха в головах крошит мир по этническому принципу. Опыт двух мировых войн показывает, чем чревато стремление привести этнические границы в соответствие с государственными, а также расширить жизненное пространство своего этноса.

Желаем ли мы повторения того, чему мать-история учила нас в прошлом веке? Вопрос риторический. Надо постараться преодолеть нынешний опасный тренд. Этнические ценности должны быть поставлены на приличествующее им место милой биографической подробности. Основная европейская ценность – права человека – должна стать истинным критерием практики на востоке и западе Европы.

Сцена битвы на стеле Римуша. 2300–2250 до н.э. Гирсу (ныне Телло, Ирак)

Зооботаника

Задача изменить стремительно этнократизирующийся мир не может быть решена без попытки его объяснить в животрепещущем аспекте этнического духа времени.

Не будем спорить, от кого произошел человек. Но даже сторонники божественного происхождения вряд ли станут отрицать, что животное начало сильно сказывается в нашем поведении. Работы

Конрада Лоренца о сходстве поведенческих моделей людей и зверей представили убедительные аргументы в пользу этой точки зрения. Член нацистской партии с 1938 года, Лоренц имел возможность приобрести богатый эмпирический материал для своих теоретических выводов.

Зигмунд Фрейд утверждал, что выход из животного состояния в человеческое произошел благодаря трем запретам: на кровосмешение, на каннибализм, на человекоубийство. Нарушители первых двух вызывают столь сильное омерзение, что можно считать эти табу рубежами обороны человечности. А вот подавляющее число случаев человекоубийства до сих пор не осуждается групповой моралью.

Это утверждение утратит свою парадоксальность, если мы вспомним, что истребление людей происходит прежде всего во время войн, когда убивающие «чужих» рассматриваются «своими» в качестве героев. Войны – это противоборства больших групп: государств или в случае гражданских войн сил, борющихся за государственную власть. Количество признаков, по которым человекоубийцы сплачиваются в большие группы, ограничено. Известны случаи, когда участники войн объединялись на основаниях религии и классов. Но большинство

межгосударственных войн и значительная часть гражданских велась по этническому (субэтническому) принципу.

Таким образом, этническое самосознание является основной сферой, где не очень человеческое искушается очень животным.

Данный тезис не означает, что осознание своей этнической принадлежности и верность ее культурным проявлениям неизбежно ведут к человекоубийству. Мы знаем множество примеров мирного сосуществования народов, живущих «чересполосно». Кроме того, не только этническая одержимость, но также религиозная и классовая становятся причиной войн и других видов насилия. То есть дело не в этничности, а в одержимости. Но данное уточнение не снимает вопроса, почему коллективное расчеловечивание и массовое человекоубийство происходят прежде всего под этническими лозунгами.

Этничность выступает древнейшим, то есть наиболее близким к звериным повадкам, видом человеческой солидарности. По причине «природности» ее миф строится по аналогии с методами выведения «чистокровных» домашних животных. Этимология сменяющихся со временем этнических форм: род, племя, народность, нация (лат. *natio*, от *natus* – «рожденный») – свидетельствует, что представители одного этноса считают «своих» кровными родственниками, имеющими общего тотемного предка. Поэтому гражданские войны, в отличие от межгосударственных, именуется братоубийством. Изначальное зоологическое понимание кровной общности с переходом к земледелию дополняется ботанической метафорой общей почвы – родины, отечества, на которой «коренной» этнос произрастает спокон веков.

В связи со страхом и трепетом, порождаемыми причащением к «зооботанической» святыне этничности, мы понимаем, что при всех разглагольствованиях о «духовных скрепах» язык и культура остаются «вторичными половыми признаками» этноса. О справедливости такого утверждения могут, например, свидетельствовать общеизвестные случаи, когда сторонники кровно-почвенного подхода отказывают выдающимся прозаикам и поэтам, писавшим на русском языке, в звании русского писателя по причине их инородного происхождения.

Обязательные компоненты мифологии этноса – «почва» и «кровь» – соотносятся с низшими слоями ментальной триады древних греков (растительный, животный, разумный уровни), сформулированной в трудах Платона и Аристотеля. Миф этничности локализован в тех безличных пластах психики, которые Фрейд именовал «оно» (*id*), а Юнг – коллективным бессознательным. Отсутствие в структуре этнического сознания индивидуализирующего «разума» свидетельствует, что известное сравнение со стадным чувством адекватно описывает природу этнического национализма.

«Взятие Дапур». Храм фараона Рамсеса II (1279–1213 до н.э.). Фивы, Египет

Готтентотская мораль

Этничность, сознаваемая как общность людей, связанных кровью и почвой, формирует пресловутую готтентотскую мораль: «Когда забирают у нас – это плохо. Когда забираем мы – это хорошо». Нравственный принцип, оказавшийся у наивного готтентота на языке, занимает центральное место в умах тех, кто одержим ценностями этничности. Согласно этнической этике вполне оправданными выступают так называемые двойные стандарты поведения. То, что считается недопустимым в отношении «своих»: обман, притеснение, грабеж, насилие, убийство, – может применяться к «чужим», ради блага «своего» этноса.

Даже в тех случаях, когда деяния против чужаков нарушают национальный уголовный кодекс, этническая мораль зачастую оправдывает их интересами нации. В 2004 году лейтенант азербайджанской армии Рамиль Сафаров, пребывая в Будапеште на курсах программы «Партнерство во имя мира», зарубил топором лейтенанта армянской армии Гургена Маргаряна. В Венгрии азербайджанца приговорили к пожизненному заключению. В 2012-м правительство Азербайджана изъявило желание закупить венгерские государственные облигации на сумму 3 миллиарда евро. В качестве жеста доброй воли венгры отправили Сафарова для отбытия пожизненного заключения в Азербайджан. Убийцу встречали на родине как национального героя. Он был выпущен из-под стражи прямо в бакинском аэропорту, помилован президентом страны, пожалован званием майора и одарен квартирой. Все эти мероприятия торжественно освещались в СМИ. С точки зрения «своих», лейтенант Сафаров совершил не преступление, а подвиг – отомстил «чужим» за национальное унижение оккупации «исконно азербайджанского» Карабаха[1].

Моральное оправдание уголовных преступлений «своих» в отношении «чужих» не исключение, а скорее правило этнического сознания. «Они» всегда злоумышляют и совершают злодеяния первыми. Нападая на них сегодня, «мы» только восстанавливаем историческую справедливость, нарушенную ими в палеолите, или же предупреждаем их неминуемую будущую агрессию. «Их» вина перед «нами» всегда больше «нашей» перед «ними». Двойные этнические стандарты формируют убеждение, что представители других этносов являются либо людьми не как мы, либо не совсем людьми, либо нелюдьми, животными.

Роспись амфоры. V век до н.э. Греция

Амнезия Мнемозины

Готтентотская мораль проявляется и в избирательности исторической памяти. Все народы помнят все нанесенные им с незапамятных времен этнические обиды, но на удивление быстро забывают собственные прегрешения. Специфической амнезии Мнемозины посвящены два замечательных

фильма – израильский «Вальс с Баширом» (2008, режиссер Ари Фольман) и польский «Колоски» (2012, режиссер Владислав Пасиковский).

Фильм Фольмана любопытен тем, что это, можно сказать, документальная мультипликация. Герой, отождествляемый с автором, участником Ливанской кампании 1982 года, мучится обрывочными воспоминаниями о каких-то вспышках света над ночным Бейрутом. Но не может вспомнить ничего конкретного. Чтобы избавиться от кошмаров, он начинает встречаться с сослуживцами и выспрашивать их, что же все-таки происходило при выполнении национального долга? Товарищи или тоже ничего не помнят, или не хотят вспоминать. В процессе этих тягостных разговоров к герою благодаря ассоциативным зацепкам приходит, если можно так выразиться в данном случае, озарение. Он извлекает тщательно спрятанное в подвалах подсознания воспоминание о том, что же произошло в ночь с 16 на 17 сентября 1982-го. Союзники израильтян – христианские фалангисты – устроили резню в лагере палестинских беженцев Сабра и Шатила. Резня происходила на виду у израильских войск, оцепивших лагерь и осуществлявших освещение местности. В процессе расследования этого дела израильским парламентом военные дали показания, что не подозревали о кровавых планах фалангистов. Думали, что состоится рутинная проверка документов.

В картине Пасиковского два брата обращаются к истории евреев, проживавших в польском селе до войны. В результате они узнают из архивных документов, что дом, полученный ими в наследство от покойных родителей, который они считали принадлежащим многим поколениям своего рода, на самом деле принадлежал евреям. Старожилы утверждают, что ничего не помнят об обстоятельствах смены собственника. По-фрейдовски реконструируя их оговорки, братья устанавливают, что евреи были убиты не гитлеровцами, как считалось, а с разрешения оккупантов собственными односельчанами. И их отец был одним из организаторов локального холокоста. Сельчане встревожены этим историческим открытием. Ничего личного. Просто в Польше действует закон о реституции. И родственники убитых евреев могут потребовать возвращения недвижимости. Нынешние владельцы исповедуют принцип: «Нет человека – нет проблемы». Они символически распинают одного из братьев на воротах дома, предпочитая оставаться без него и без истины.

Появление этих фильмов вызвало на родине авторов однозначную реакцию. Их обвиняли в выполнении заказа врагов, соответственно Израиля и Польши. Им поступали угрозы. Рецензенты утверждали, что предложенные художественные интерпретации не соответствуют исторической действительности.

Евреи и поляки относятся к числу народов, приписывающих себе статус невинной жертвы. Они настойчиво требуют покаяния от других, пребывая в уверенности, что им, в свою очередь, не в чем каяться.

Не каждому достает мужества «идти против своих». Создатели «Вальса с Баширом» и «Колосков» пошли против виктимных представлений большинства соплеменников. Фольман и Пасиковский, следуя путем древнееврейских пророков, предлагают начинать решение проблемы этнической нетерпимости в первую очередь с себя.

Персональная ответственность – это всегда трудное движение от природы к культуре, от стадной этничности ко всегда одинокому человеческому состоянию. Но именно этот тяжкий духовный труд и делает говорящую обезьяну человеком.

Сильный жрет слабого

Преобладание этнического подхода приводит к тому, что отношения в мировом сообществе наций-государств во многом повторяют те, что складываются в мире животных. Принцип «сильный жрет слабого» до сих пор лежит в основе международных отношений. Гуманизация внешней политики (все-таки уже почти семьдесят лет человечество обходится без мировых войн) вызвана не столько моральным прогрессом, сколько развитием технологий уничтожения. Изобретение ядерного оружия сделало бессмысленным вооруженное выяснение отношений между крупными хищниками. Но с мелкими безъядерными зверьками большие политические животные не церемонятся. Уже в ядерную эру США, СССР и его преемница РФ не раз осуществляли вооруженные вторжения.

На этом человекоубийственном фоне повсеместные торговые войны, ограничения на въезд для граждан недружественных стран и т.п. воспринимаются едва ли не как проявление цивилизованности.

Игра на этнических чувствах позволяет верхам решать не только мобилизационные задачи внешнеполитического противостояния. Эксплуатация этничности является инструментом манипуляции низами в сфере внутренней политики. С помощью «национальной гордости» правящие классы не раз переключали вертикальное социальное недовольство в безопасное для них горизонтальное этническое направление.

Не помнящие родства

Основанное на этнической морали право сильного доминирует на протяжении всей мировой истории. Но если бы звериные принципы были единственным регулятором общественной жизни, человечество никогда бы не вступило в информационную цивилизацию. Мы, как и наши далекие предки, жили бы враждующими стаями в пещерах и питались сырой человечиной. Развитие технологий немыслимо без международного общения. Даже самые могучие и многочисленные народы нуждаются в постоянных творческих заимствованиях. Попытки автаркии всегда сопровождались отставанием от стран, склонных к обмену людьми и идеями.

Благоприятные условия обмена создавались благодаря преодолению животного страха перед чужаком. Во-первых, за счет медленного расширения понятия «свой», надстраивания над старыми этническими формами новых, более обширных. Во-вторых, путем постепенного «очеловечивания» представлений о чужаке. Благодаря формированию различных видов внеэтнической морали (религиозной, государственной, корпоративной, классовой и т.д.) стало возможным существование полиэтничных государств. Точнее, сама возможность феномена государства во многом связана со смягчением звериного этнического сознания. Моноэтническое государство во все времена представляло исключение из правил.

Государствообразующими стали прежде всего те народы, которые сумели умерить этнический ригоризм. Отказ от непримиримого отношения к чужим позволил расширять ряды в первую очередь путем включения в свой правящий слой верхушки покоренных племен. Низы чужаков, лишившихся собственной элиты, со временем также становились своими.

У крупных наций, возникших в результате интеграции многих и зачастую этнически далеких народностей, родственные и свойственнические отношения значительно слабее, чем у народов небольших и тем более крошечных. С бытовой точки зрения можно позавидовать, скажем, сплоченности евреев или армян, не говоря уже о народах-аулах Дагестана. Их взаимовыручка, несомненно, помогает им выживать в зачастую не самом благожелательном окружении. Но если бы большие народы вроде русских были столь же повсеместно завязаны на родстве и кумовстве, то они никогда бы не создали свои империи, подобные бескрайней российской. Способность интегрировать в понятие «свои» разнородные составляющие связана с необходимостью ослабить природные кровные узы – за счет увеличения роли пресловутых «духовных скреп». Зависть иванов, не помнящих родства, к абрамам и рамзанам, кровным родством живущим, – это неизбежная плата за создание крупнейшей державы в мировой истории. Это цена важного шага в направлении от молекулярной оптики родни к космическому мировоззрению рода человеческого. Полиэтнические образования прошлого, именуемые империями, – это противоречивый, непоследовательный, но неизбежный этап становления проектируемой энтузиастами всечеловеческой империи духа.

Два начала – персонально-человеческое и этническая «групповуха» – противоборствуют в душе каждого из нас. При ответе на сакраментальный вопрос: «Сколько человека в человеке?» – мера вовлеченности в свою этничность свидетельствует о «числе зверя» – доле животного начала в структуре личности.

Неверно приравнивать персональную по своей природе человечность к эгоистическому индивидуализму, так же как стайную этничность к альтруистическим соборным ценностям. Известно, как этнические верхушки под лозунгами защиты народных интересов обустроивают свое индивидуальное благополучие. Странникам человечности соборность отнюдь не чужда. Но

мыслят они ее поверх этнических барьеров, включая в понятие «свои» все население нашей планеты.

[1] См.: Буртин. Шура. Топором и пером. Почему, чтобы стать совестью нации, надо стать врагом народа. – «Русский репортер», 2013, № 45. <http://rusrep.ru/article/2013/11/10/aylisli/>

«Битва на Куликовом поле». Из рукописи «Сказание о Мамаевом побоище». XVII век

Этническая нация или нация гражданская?

Право силы пока доминирует на межгосударственном уровне. Но во внутренней жизни некоторых государств еще на заре индустриальной эпохи была осуществлена смена кровно-почвенных вех этничности. На основе двух начал нашей души в конце XVIII века были сформулированы два противоположных принципа нации: «французский», основанный на правах человека, и «немецкий», взывающий к мистическому «народному духу». Французская модель гражданской нации в самой полной мере воплотилась, как это ни парадоксально, во внутренней политике «мирового жандарма» наших дней – США. Модель немецкой этнической нации в наиболее чистом виде была реализована у себя на родине и почти во всех странах Восточной Европы во второй четверти прошлого века.

История показывает, к каким последствиям приводит последовательная реализация идей этнической и гражданской наций.

Этнократические режимы, установившиеся во многих европейских странах после первой мировой войны, принесли неисчислимые несчастья не только этническим меньшинствам, но и в огромной мере своим народам, ради счастья которых вроде бы действовали лидеры радикального национализма. Потери, понесенные тогда, во многих отношениях не удалось восполнить до сих пор. При всей экономической мощи вполне гражданская современная германская нация так и не смогла вернуть себе передовые позиции в мировой культуре, которые она занимала до прихода к власти гитлеровских этнократов.

В противоположном направлении развивались межэтнические отношения в США. Здесь на основе гражданской нации удалось преодолеть тяжелейшее наследие геноцида индейцев, рабства и сегрегации негров. Наличие социальных лифтов для талантливых чужаков является залогом динамичного развития американского общества, в том числе и в таких определяющих сферах информационной цивилизации, как наука, литература, промышленные виды искусства вроде бродвейских мюзиклов и голливудских фильмов.

Неустанно проводя глобальный конкурс «Алло, мы ищем таланты!», американская гражданская нация усиливает свою мощь и благосостояние. Благодаря последовательному неэтническому подходу Америка по числу нобелевских лауреатов за всю историю премии в 2,5 раза превосходит следующую за ней Великобританию и в 10 раз – Россию. Когда с нескрываемой завистью утверждают, что богатые «пиндосы» покупают мозги, хочется спросить: а что, кроме ксенофобии, мешает делать это другим небедным странам? Например, стране, которая поставила абсолютный олимпийский рекорд по затратам на проведение Олимпийских игр в Сочи.

«Проксения» американцев распространяется даже на такую плотно закрытую во всех странах от чужаков сферу, как политика. Достаточно назвать имена иммигрантов в первом поколении: Бжезинского, Киссинджера, Олбрайт. Символом возможностей карьерного роста для «пришельцев» является избрание президентом США сына чернокожего кенийца, внука знахаря – Барака Хусейна Обамы. Подобная нравственная победа оказалась по силам только еще одной гражданской нации – французской, избравшей себе в президенты «подъевреенного» венгра Саркози.

В Америке есть межэтнические конфликты интересов. Есть и засилье так называемых WASP – белых англосаксонских протестантов. Но по сравнению с другими странами этничность здесь в меньшей мере влияет на возможности карьерного роста, что обеспечивает большие возможности развития американского общества. Межэтнические проблемы мирового лидера порождены не принципом гражданской нации, а тем, что этнический национализм и здесь обнаруживает свое присутствие.

Следует отметить, что и почивший в бозе СССР в ряде отношений также был гражданской нацией. Посещая по издательским делам институты Академии наук, вузы, музеи, я постоянно общаюсь с коренными москвичами – башкирами, казахами, армянами и другими представителями бывших советских народов. Можно предположить, что такое широкое представительство различных этносов в образованном и правящем классах было одним из факторов динамичного развития СССР в первую половину его существования. Смею считать, что на гибель Советского Союза в немалой степени повлияла заложенная при его основании бомба замедленного этнического действия. Сконструированные благодаря «ленинской национальной политике» этнические «социалистические нации» стали теми швами, по которым разошлась плоть супердержавы. Обстоятельства развала СССР показывают, что скорость впадения в звериную архаику обществ, одержимых этничностью, во много раз опережает долготелные усилия очеловечивающей модернизации.

Пабло Пикассо. «Герника». 1937

Мыслящий тростник и народ-звереносец

В последнее время все большее число образованных русских не стесняются ксенофобских заявлений. Этнический поворот представляет измену вековым ценностям русского народа. В силу своей имперской природы русские всегда были удивительно малоэтничны. Об этом свидетельствует легкость, с какой в российскую элиту массово включались представители как западных, так и восточных народов. В значительной мере благодаря такой открытости русские и сумели создать не только самую обширную империю в истории человечества, но и культуру мирового значения, ставшую интегральным выражением проблематики разрозненных европейских наций.

Примечательно, что спровоцированное верхами «обострение дружбы народов выше обычного» (М.Делягин), которое в державе Романовых пришлось на конец XIX – начало XX века, стало одной из важнейших причин ее гибели. Национальная карта была разыграна и при крушении СССР. Подыгрывая в последнее время ксенофобии низов, российская власть создает предпосылки повторения кровавых трагедий большевистской революции и реактивной перестройки в виде не менее кровавого фарса.

Немалая доля ответственности за такой тренд лежит на образованном классе. Не важно, какими соображениями руководствуются «креаклы» – искренним страхом перед нашествием варваров или циничным стремлением подзаработать на спросе на ксенофобию. Важно, что и те и другие отступают от ценностей проекта Просвещения, который предусматривает вытягивание народа-звереносца из его природного состояния.

Напрасно надеяться, что вечный зов крови, оросившей Европу во время второй мировой, не может раздаваться в наши дни. Дневники и письма современников свидетельствуют, что даже в середине 30-х годов мало кто представлял, какие испытания предстоят человечеству всего пару лет спустя. Сегодня мы наблюдаем страшные сближения с началом той чудовищной эпохи.

Поэтому трудно считать рациональной позицию брезгливого помалкивания многих интеллигентов-интеллектуалов. Понятно, что страшно идти против своих. Но будет еще страшнее, когда «число зверя» повсеместно овладеет массами.

Не стоит оправдывать свое бездействие тем, что народную стихию невозможно остановить. Ее нельзя утихомирить только в том случае, когда идейные провокации со стороны горстки патологических типов и платных работников ксенофобского труда не встречают противодействия большей части мыслящего тростника – тех, кто гуманитарной профессией призван пробуждать те самые чувства добрые в том самом народе. Процесс, увы, пошел. Но он – пока – обратим.